

В этот праздничный День защиты детей в приюте было необычайно тихо.

Место было пусть и скромно, но украшено, и многие добрые люди прислали подарки, но праздничное настроение детей было мимолетно. Радость здесь была тихой и осторожной, и разительно отличалась от оживленных празднеств в других местах.

Однако этот год был особенным. Директор пообещала привезти их любимого дядю, чтобы он выступил для них! У этого дяди были хорошие манеры и такой прекрасный голос, который они просто обожали! С тех пор, как директор ушла, чтобы забрать его, дети с нетерпением поджидали их за плотно закрытыми главными воротами. Но когда ворота наконец открылись, вошедшим человеком оказался не «дядя», а стильно одетый молодой человек, и хотя его лицо было частично скрыто, это, несомненно, был не тот, кого они так ждали!

Нетерпеливое ожидание, горящее в их глазах медленно потухло, на их лицах застыло потерянное выражение, как у котят, которых поддразнили и обманули. Но из-за специфических жизненных условий, они не плакали и не устраивали истерик, просто их такие яркие и чистые улыбки тихо угасли.

Пэй Лан не знал точное количество детей и какого размера одежда им бы подошла, поэтому купил только игрушки и угощения. Войдя во двор, он дождался когда директор закроет ворота и только тогда снял с лица маску и солнцезащитные очки.

Директор хоть и удивилась, но ничего не сказала и с улыбкой повела его к детям: «Угадайте, кто пришел?»

«Какой красивый старший брат!» — с удивлением воскликнул ребенок, стоявший ближе всех.

Другие дети как галчата вторили этому голосу, их прежде тусклые глаза теперь вновь сверкали ярким светом. Их взгляд был настолько чист, что даже самая маленькая радость, казалось, делала их очень яркими.

Пей Лан чувствовал себя немного неловко, когда его называли «красивым» и хвалили из-за внешности. Он бы предпочел простое «хорошо выглядишь»... Но дети не умели льстить и всегда говорили то, что действительно думали. Их невинные слова тронули его в самое сердце. Взгляд Пей Лана, который питал особую слабость к милым карапузам, невольно размяк.

Директор Дин улыбалась так широко, что ее глаз почти не было видно, и тепло представила гостя: «Дядя, которого вы так ждали, здесь».

Ее представление было намеренно двусмысленным — реальность абсолютно не совпадала с ожиданиями детей, и они на мгновение замерли в недоумении. Так продолжалось до тех пор, пока не заговорил сам Пэй Лан: «Привет всем. Счастливого Дня защиты детей».

Его голос нельзя было спутать ни с чем. Глаза детей распахнулись в изумлении.

«Так ты не дядя... Ты брат?» — спросил один ребенок, пораженный.

«Брат такой красивый! Брат, спой песню! Спой песню!»

...

Дети вдруг оживились, и, болтая и смеясь, радостно кружили вокруг Пей Лана, который осторожно поставил гитару рядом с собой, присел на корточки и терпеливо отвечал на все их вопросы.

Погода была прекрасной. Этот город — жемчужина среди подобных мест, окруженный зеленью, он мог похвастаться не только потрясающими пейзажами, но и идеально сбалансированным климатом — не слишком холодным, не слишком жарким, — что делало его идеальным для активного отдыха.

На лужайке во дворе приюта были расставлены столы, заставленные множеством игрушек, фруктов и других угощений. Дети не могли дождаться момента, когда их гость начнет петь. Сразу после того, как разделили друг с другом закуски, они с нетерпением окружили Пей Лана и приготовились слушать.

Пэй Лан сидел на одеяле на лужайке, скрестив ноги и прижимая к себе гитару. Подставив лицо легкому ветерку, греясь в лучах теплого солнца, он мягко перебирал струны и пел своим мягким, успокаивающим голосом.

В тот момент, когда зазвучал его голос, дети затихли и внимательно слушали, подперев подбородки своими маленькими ручками. Этот момент — самый прекрасный из всех.

Директор сидел рядом, наблюдая за ними с улыбкой. Когда песня закончилась, дети разразились восторженными аплодисментами, прося его спеть еще одну. И поскольку он пришел выступать, Пэй Лан, конечно же, не мог остановиться на одной песне, он быстро перешел к другой, позволив музыке снова литься.

Его голос буквально завораживал, заставляя людей хотеть слушать его бесконечно.

Пэй Лан выглядел таким одухотворенным, будто не тронутый мирскими заботами, но все же был обычным человеком, которому тоже нужен был отдых. Закончив четвертую песню подряд он принял от директора стакан воды.

«Ладно ребята, дадим брату отдохнуть, хорошо? Вы можете вместо этого поболтать с ним», — предложила госпожа Дин, передавая воду.

«Спасибо. Вам тоже следует сделать перерыв и отдохнуть, вы сегодня работаете в одиночестве и, должно быть, устали», — сказал Пэй Лан, сделав глоток воды, чтобы успокоить горло.

Чтобы защитить частную жизнь Пэй Лана, директор предоставила всем воспитателям выходной, и ей пришлось одной заниматься всеми детьми — действительно утомительная задача.

«Это совсем не сложно, особенно после того, как вы пришли. Могу я спросить, как мне к вам обращаться?» — вежливо спросила она, стараясь не спрашивать его настоящего имени, уважая его частную жизнь.

«Называйте меня просто Сяо Лан», — ответил он с непринужденной улыбкой.

«Брат Сяо Лан~»

«Брат Сяо Лан~»

Как только слова слетели с его губ, дети подхватили, ласково называя его «Брат Сяо Лан». Веселые крики согрели его сердце, и он не мог перестать улыбаться пока его взгляд не переместился на подростка, стоящего поодаль. В отличие от остальных, этот ребенок держался в стороне, наблюдая за ним с мрачным выражением лица.

Пэй Лан заметил его и раньше, но младшие дети были слишком активны, чтобы он мог обратить на это внимание.

«Этот ребенок... почему он не присоединяется к нам?» — небрежно спросил Пэй Лан, направляя разговор в интересующую его сторону. Мальчик самый старший среди детей, уже не подросток.

«Вы имеете в виду Сяо Чи? Этот ребенок одиночка и с самого раннего детства не любит общаться с другими», — сказала директор, ее лицо было омрачено беспокойством: «Сяо Чи вырос в приюте. Несмотря на его отличные оценки и привлекательную внешность, его никто так и не усыновил. Каждый раз, когда его забирали, его возвращали обратно уже через пару дней. Причины всегда одни и те же — он мало разговаривает, у него мрачный взгляд и своеобразный характер».

Дети, воспитывающиеся в детских домах, часто имеют некоторые психологические проблемы, поэтому директор рассказывает им истории, включает успокаивающую музыку и приглашает выступать таких людей, как Пэй Лан. Но Сяо Чи был другим. Как бы она ни пыталась направить или увлечь его, это никогда не срабатывало. Он мог долго молчать, а затем внезапно вспыхнуть как спичка, без какой-либо видимой причины для гнева.

Будучи директором детского дома, она надеялась, что все ее дети вырастут здоровыми, и Сяо

Чи не был исключением. Всякий раз, когда приходили потенциальные приемные родители, она хвалила Сяо Чи. Но после того, как его неоднократно возвращали по одним и тем же причинам, она стала сомневаться и не осмеливалась продолжать это делать.

Она боялась, что постоянные отказы навредят и без того хрупкой психике Сяо Чи, сделав его еще более замкнутым.

Со временем, по мере взросления Сяо Чи, вероятность его усыновления неуклонно снижалась. Люди были склонны усыновлять детей помладше. По правде говоря, многие дети в приюте так и не нашли дома, но случай Сяо Чи был уникальным. Несмотря на его академические успехи, его личность мешала нормальному взаимодействию с другими.

Теперь, когда приближалось его совершеннолетие, Сяо Чи больше не мог оставаться в приюте. Хотя директор планировала найти меценатов для спонсирования его образования, его замкнутая и интровертная натура заставляла ее беспокоиться о том, что он будет изолирован от общества и столкнется с трудностями, когда ступит во взрослую жизнь.

Даже с его сложным характером, Сяо Чи был все еще ребенком, за взрослением которого она наблюдала. Ее забота о нем была глубокой и искренней.

«Госпожа Дин, почему бы вам не рассказать детям какую-нибудь историю? Я хочу поговорить с Сяо Чи», — сказал Пэй Лан, допив воду в стакане. Он поставил чашку и пошел к мальчику.

Сяо Чи все это время наблюдал издали. Когда Пэй Лан приблизился, мальчик заметно напрягся и насторожился, его холодное выражение лица стало жестким, но не было никаких признаков желания бежать.

Солнечный свет вокруг него померк, когда тень Пей Лана упала на него. Заслонив собой солнце, Пей Лан улыбнулся и мягко спросил: «Привет, как тебя зовут?»

«Разве ты уже не знаешь?»

«...», - Пэй Лан почувствовал, что с этим ребенком будет трудно иметь дело — явно крепкий орешек: «Почему ты не играешь со всеми остальными?» — продолжил он терпеливо расспрашивать.

«Сегодня День защиты детей. Я уже не ребенок», — ответил Сяо Чи со зрелостью, не свойственной его годам. Через несколько месяцев ему исполнится восемнадцать — в его глазах он слишком стар, чтобы праздновать детский праздник.

Услышав это, Пэй Лан наконец понял, что происходит... Это правда, он больше не ребенок.

«Итак, значит Сяо Чи не нравится как я пою?» — спросил он непринужденным тоном.

«Не в этом дело. Мне нравится», — коротко ответил мальчик. Он говорил мало, что доказывало, что он действительно не очень разговорчив. Но каким бы сдержанным он ни был и что не говорил, он все равно был ребенком. Пэй Лан встречал разных людей — наверняка он мог бы найти с ним общий язык.

«Волосы Сяо Чи выглядят такими мягкими. Можно мне потрогать их?»

Сяо Чи замер на мгновение, его уши внезапно покраснели. После маленькой паузы он слегка кивнул, давая разрешение - он был похож на гордого, но застенчивого котенка. Получив согласие мальчика Пэй Лан осторожно положил руку на голову Сяо Чи и слегка взъерошил его волосы. Прежде чем убрать руку он слегка расчел пальцами прядки, которые до этого растрепал.

Сяо Чи почувствовал легкий зуд и мурашки там, где его коснулась рука певца. Это было странное, но приятное чувство, как будто его волосы могли чувствовать прикосновение.

Когда Пэй Лан привел в порядок волосы мальчика, он убрал руку и не забыл похвалить его: «Они действительно такие же мягкие, как и выглядят. Поскольку Сяо Чи нравится мое пение, как насчет того, чтобы я спел песню специально для тебя? Ты не против?»

Пэй Лан всегда относился к детям с уважением и всегда спрашивал их мнение, прежде чем что-либо сделать.

Он видел, что у ребенка сильное чувство собственного достоинства и он был как маленький ёжик — всегда готов выпустить свои иголки. Но под этой колючей внешностью мальчик не был таким холодным, каким казался.

«Ты споешь ее только для меня?»

«Да, только для тебя. Ты будешь первым, кто услышит эту песню», — тепло ответил Пэй Лан. Он не планировал петь сегодня ничего нового — он еще даже не закончил новую песню — но раз Сяо Чи попросил, он решил ее исполнить: «Но я должен предупредить тебя, я уже давненько ничего не сочинял, поэтому если получится плохо, не будь ко мне слишком строг, ладно?»

«Я не буду!» — быстро ответил Сяо Чи, а затем серьезно добавил: «Ты никогда не сможешь петь плохо».

Это была несомненная похвала и явное признание от Сяо Чи.

Без подготовки, без гитары в руках Пэй Лан просто начал петь. Поскольку Сяо Чи изначально находился вдалеке от других детей, а Пэй Лан пел тихо, никто больше этого не слышал.

Эта песня и правда предназначалась только для Сяо Чи — он был единственным слушателем.

Сосредоточившись на своем выступлении, Пэй Лан не заметил мимолетной улыбки, скользнувшей по губам Сяо Чи, едва заметной, но искренней.

Закончив песню, Пэй Лан принёс немного закусок, чтобы поесть с Сяо Чи. По правде говоря, он уже давно хотел их попробовать, но воздерживался из соображений приличия. Раньше о таких закусках он мог лишь мечтать - они были роскошью, чем-то, что он мог только изредка позволить себе. Теперь же, он мог есть их открыто и это было так прекрасно, что даже пристальный взгляд Сяо Чи больше не беспокоил его.

Директор Дин, увидев, что Пэй Лан и Сяо Чи нашли общий язык, попросила Пэй Лана уделить мальчику побольше времени. В какой-то момент они присоединились к остальным детям и сыграли с ними в несколько игр. Время пролетело быстро и в мгновение ока наступил полдень — Пэй Лану пора было уходить.

С таким количеством дел в приюте директор не могла выделить время, чтобы проводить Пэй Лана, но к всеобщему удивлению, Сяо Чи вызвался сопровождать его. И директор, и Пэй Лан были ошеломлены его инициативой.

Попрощавшись с другими детьми, Пэй Лан снова надел солнцезащитные очки и маску и вышел вместе с Сяо Чи. Мальчик был невысокого роста, едва доставая Пэй Лану до плеча, и их вид, когда они стояли рядом, выглядел очень гармонично.

«Ты не против если я приду на твой праздник, когда у тебя будет день рождения?» — внезапно спросил Пэй Лан. День рождения Сяо Чи был всего через несколько месяцев, ему исполнилось восемнадцать лет. В приюте для каждого ребенка устраивали вечеринку по этому случаю — это было одновременно и празднование, и прощание, поскольку как только они достигали совершеннолетия они покидали приют.

Услышав это, Сяо Чи резко остановился, ошеломленно уставившись на Пэй Лана, который заметив это, тоже остановился, терпеливо ожидая ответа.

Вопрос Пэй Лана был искренним, заданным с серьезными намерениями, а не из-за пустой вежливости или притворства. Сяо Чи мог заметить разницу.

«Хорошо. Ты должен прийти — я буду тебя ждать».

«Тогда, это сделка».

«Это сделка».

Когда они дошли до автобусной остановки, Пэй Лан убедил Сяо Чи вернуться назад и не ждать

автобус вместе с ним.

Он уже договорился о частной машине, которая повезет его обратно. Он не рискнул сесть на скоростной поезд или междугородный автобус — и там, и там требовались документы удостоверяющие личность, а он не мог так рисковать, ведь Ян Сююань все еще искал его. Использование удостоверения личности могло раскрыть его местонахождение.

И не смотря на позднее время, он также не решался остаться на ночь в отеле, поскольку для регистрации нужно было указывать настоящее имя, что делало этот вариант таким же небезопасными.

<http://bllate.org/book/14641/1299701>